

Активные семантические процессы в коммуникации общения: не прямое говорение

А.П. Марюхин
МОСКВА

Наша статья посвящена своеобразному и все более актуальному явлению – не прямой коммуникации, неявному говорению, речевому отгораживанию или hedging (Hecke), а также способам представления этих феноменов в современных языках Европы. Исходя из того, что данные явления трактуются достаточно широко, мы попытаемся осветить наиболее важные моменты, выявив сходства и различия речевого отгораживания в разных языках.

Процесс, о котором мы собираемся говорить, трудно обозначить каким-либо общепринятым лингвистическим термином. Трудно даже отнести его к какой-либо одной сфере языка – синтаксису, семантике или прагматике. Ясно только, что он относится к языку вообще. Но и тут, по-видимому, возможен спор между языкознанием и социологией.

В свое время автор, едва ли не больше других внесший вклад в эту проблему, академик Н.Ю. Шведова, не хотел даже использовать ни один принятый в грамматиках термин: «В строе разговорной речи выделяется целый ряд общих правил построения сказуемого и основы предложения, в которых их основное временное и модальное значение осложнено значениями характера протекания во времени, качественной характеристики, сопоставленности, оценки и др. Все это дает право, - помня, конечно, о существенных различиях этих двух синтаксических единиц, - обозначать такие сказуемые и основы предложения одним общим термином – «построение» или «конструкция» [1].

За истекшие 50 лет перечень открываемых в этой сфере явлений необычайно расширился. Слишком узким оказался и сам термин «строй разговорной речи». Теперь доминирует понятие «коммуникация», и, в соответствии с этим, главной функцией языка все чаще называется коммуникативная функция. Да и она, собственно говоря, понимается теперь как состоящая из целого списка «коммуникативных функций»: от газеты до романа [2] и от скандала до выдвижения на премию. И это еще далеко не все, что делается в этой сфере. Сравним, хотя бы, наиболее «свежий» материал – «Программу тридцать девять-

тых Виноградовских чтений (Москва, 2008), среди докладов которой «Текст и дискурс как слова обыденного языка и как термины» (В.З. Демьянков); «Дискурс как высшая реальность языка» (Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова) и др.

Однако нашим главным предметом здесь будет «отгораживание» - стремление коммуниканта, чаще всего говорящего или пишущего, тем или иным способом «отгородиться» своей речью от других коммуникантов. Можно даже утверждать, что речевое отгораживание претендует на новую трактовку в сфере коммуникативной лингвистики. Нашей целью станет определение понятия «градуальной коммуникации», неявного говорения, отгораживания или «hedging», а также краткий анализ этих лингвистических явлений с позиции фонологии, семантики, прагматики, синтаксиса и стилистики и выявление новых концептуальных аспектов отгораживания в коммуникации.

В соответствии с этим и теоретические исследования таких фактов речи были устремлены не на полный отказ от коммуникации, а на различные нюансировки этого явления, на его градации. Едва ли не абсолютно первым мы склонны считать Д. Болинджера с его основополагающим исследованием «Generality, Gradience, and the All-or-None» [3]. У Д. Болинджера «градуальная коммуникация» заключается в том, что во время общения возникают моменты, когда говорящий вынужден прибегать к использованию высказываний, обозначающих «все или ничего». В результате того, что говорящий постоянно оперирует в уме неоднозначными фактами, заложенными в языке, возникает двусмысленность. Неясность автор видит в совпадении двух «постоянств», напр., двух корневых морфем: /--- spear (weapon)--- / и /---spear (shoot)---/. Чтобы такой неясности не возникало, автор предлагает использовать такие слова, которые не влекут за собой двойственного суждения, напр., заменить /spear/ на синонимы /javelin/ или /lance/.

Из этого следует, что расширение концепта в сторону омонимии увеличивает двусмысленность, а в сторону синонимии, наоборот, уменьшает. Сходную позицию, но уже на семиотическом уровне, мы наблюдаем при анализе языкового знака. Всякий лингвистический знак является в потенции омонимом и синонимом одновременно. Иначе говоря, он одновременно принадлежит к ряду переносных, транспонированных значимостей одного и того же знака и к ряду сходных значимостей, выраженных разными знаками.

* * *

Известный физик Р.Бойль (1627-1691), выступая публично, как-то признался: «I... speak so doubtingly, and use often *perhaps, it seems, it is not improbable* and other such expressions, as argue a diffidence to the truth of the opinions I incline to ...» [4].

Непрямая коммуникация позволяет выбрать нейтральную позицию по отношению к высказыванию. Речь всегда строится как факт, имеющий некоторый внешний мир (действительность), с которой она соотносится, а действительность, как отмечал Ш. Балли, может быть не только объективной, но и мыслимой, воображаемой. И лингвистически существенным параметром здесь выступает истинность, к которой обязывает себя говорящий самим смыслом своего высказывания, например, высказывание «*Иван знает, что X...*» = что

X истинно, а высказывание «*Иван считает, что X...*» снимает обязательства за достоверность сказанного. Последнее получило широкую интерпретацию, породив новое лингвистическое явление, названное Дж. Лакоффом «hedging» или принцип «семантического отгораживания». Сам автор метафорически перенес свойства и действие живой изгороди на лингвистическое понятие. Определяя логические свойства слов и фраз, таких как *rather, largely, in a manner of speaking, very*, Дж. Лакофф приходит к мнению об их способности характеризовать понятия более или менее точно (*more or less fuzzier*) [5].

Предпосылкой же для «hedging» послужили исследования теории «расплывчатого множества» («fuzzy set theory»), связанной с именами Л. Заде и У. Вайнрайха. Так, У. Вайнрайх вводит термин «металингвистический оператор» [6], который стал впоследствии прототипом лингвистического феномена «hedging». Он подчеркивает, что для каждого языка существует подобное явление, хотя нужно констатировать тот факт, что «hedging» характерен, прежде всего, для английского языка.

«Hedging» есть такой оборот речи, посредством которого говорящий строит высказывание таким образом, как если бы он определенные вещи причислял определенной категории не в абсолютном, а в относительном объеме. Это можно представить так: X есть некоторый вид Y, пока X представляет нормальное состояние отличия от Y. Предложение «*X есть некоторый вид Y*» обозначает тогда, что X есть периферический представитель категории, в то время как в выражении «*X представляет нормальное состояние отличия от Y*» X идентифицируется как типичный прототип категории, напр., «*Der Spatz ist ein Vogel par excellence vs. Der Pinguin ist eine Art Vogel*». Следующие предложения также построены относительным образом, что свидетельствует о своеобразном характере «hedging», порождающего неясность:

Zoologisch gesehen ist ein Pinguin ein Vogel.
Eigentlich ist ein Wal ein Säugetier.
Streng genommen ist Rhabarber ein Gemüse.
Lose gesprochen gilt ein Telefon als Möbelstück.

* * *

В результате того, что концепт «hedging» трактуется достаточно широко, существует ряд столь же общих категориальных синонимичных терминов. Самым значительным концептом, пересекающимся с «hedging» является модальность. Согласно Ф.Палмеру, понятие модальности оставляет за собой большое количество определений, основные из которых касаются вспомогательной модальности. Если мы примем во внимание определение эпистемической модальности, что это «любое высказывание, в котором говорящий выражает свое отношение к достоверности пропозиции», то мы можем провести параллель со многими определениями «hedging» [7]. Включенность же «hedging» в эпистемическую модальность наблюдается по трем лингвистическим пунктам:

- 1) вхождение в пропозицию;
- 2) отношение к иллокутивной силе;
- 3) порождение индивидуальных лексических средств.

Последнее реализуется посредством таких выражений, как so-called, so to speak и т.д. Эта связь отчетливо прослеживается на примерах с модальными глаголами, обладающими эпистемическим значением. В таком предложении как «It may be true» мы имеем дело с «hedging» с одной стороны и с эпистемической модальностью с другой, а гипотетическое would может быть рассмотрено как «hedging», т.к. оно представляет высказывание относительно. Модальность передает внешние выражения говорящего, которые часто фигурируют как межличностные значения в контексте, где они присутствуют как часть ориентировочной стратегии.

Т.о., мы можем констатировать отношение между модальностью – главным образом эпистемического типа – и явлением «hedging»: либо это модальность в широком смысле слова и включает «hedging», либо последнее есть «загородка» (umbrella term).

Другой концепт, пересекающийся с «hedging», является «очевидность» (evidentiality). У.Чейф определяет ее как любое лингвистическое выражение относительно знания. Знание включает различные виды: убеждение, индукцию, дедукцию, слуховое восприятие. Каждый из этих видов основывается на различных источниках. Большинство выражений, которые У.Чейф приводит в качестве примера, показывая различие этих видов, есть выражения, которые другие лингвисты относят к «hedging». У.Чейф и сам использует термин «hedging» только для выражений, которые указывают на то, что «противопоставленность» между знанием и категорией может быть далеко не абсолютной [8].

Понятие «неопределенности» (vagueness) коррелирует с «hedging» посредством таких выражений, как about, sort of, которые указывают на количество и качество, что очень близко к понятию «расплывчатого множества» (fuzzy sets). В немецком языке находим аналог «Vagheit», когда допускаются ошибочные суждения в языке научных текстов.

Еще один термин, пересекающийся с «hedging», есть т.н. «смягчение» высказывания (attenuation, mitigation). Этот процесс предполагает уменьшение воздействия иллокутивной силы.

Подобные эксцессы находят свое применение в живой разговорной речи, причем, чтобы вызвать неясность, говорящий строит высказывание с заведомо ироническим оттенком: - *Вы спиртное будете?* – *Ах, оставьте!* В поэзии «отгораживание» может строиться несколько иначе, еще более туманно, с тонкостями высокого стиля. И озарение того, что в высказывании заложена неясность, всплывает только через некоторый промежуток времени. Ограничимся одним примером: «*Мы тащили души к Богу, жалко выжили не все*», «*Здесь царит чистота в непролазной грязи*» (Ю. Шевчук).

И раз уж речь зашла о стилистических средствах, то для нашего исследования непрямо́й коммуникации особое место следует отвести метафоре. Ситуация общения представляет собой многокомпонентный процесс, который формируется и регулируется не только лингвистическими средствами, но и различными контекстуальными способами и

конвенциональными установками, сложившимися в обществе и доступными для всех его членов.

Формирование высказываний участниками разговора происходит в соответствии с выведенным П. Грайсом общим принципом общения ('Cooperative Principle'). В соответствии с теорией П. Грайса содержание высказывания можно разделить на три условные части: то, что говорящий подразумевал при его формировании; то, что сказано (выражено им лингвистически); то, что вовлечено в ситуацию общения (выражено логическими средствами). Используя небольшой по объему словарный состав, можно создать бесконечные метафорические смысловые значения, осложненные тончайшими нюансами человеческой мысли и чувства [9].

При анализе метафорических конструкций внимание исследователей фокусировалось на их эстетическом потенциале. «Достоинство речи – быть ясной и не быть низкой. Самая ясная речь – та, которая состоит из общеупотребительных слов, но она низка ... речь торжественная и уклоняющаяся от обыденной – та, которая пользуется и необычными словами; а необычными я называю редкие, переносные, удлинённые и все <прочие>, кроме общеупотребительных» [10].

Предостерегая читателя от злоупотребления необычной лексикой, Аристотель пишет, что «если все сочинят так, то получится или загадка, или варваризм: из переносных слов – загадка, а из резких – варваризм» (там же). Наряду с облагораживанием и торжественностью звучания, к достоинствам метафорических переносов Аристотель относит их эвристические свойства: «метафоры заключают в себе загадку» и являются единственным средством языка, способным выразить «невыразимое», ибо «в загадке сущность состоит в том, чтобы говорить о действительном, соединяя невозможное. Сочетанием <общеупотребительных> слов этого сделать нельзя, <сочетанием же> переносных слов можно». Загадочная природа метафорического словоупотребления таит в себе и отрицательные стороны. «Если знание названо неколебимым, или земля – кормилицей, или умеренность – созвучием», то перед нами иносказательное словоупотребление, а «все иносказательное неясно» [10].

Современная теория метафорических переносов начала складываться с представления об ее структуре как о соединении двух идей в одном образе. А. Ричардс был одним из первых, кто в своей работе «Философия риторики», опубликованной в 1936 году, обратил внимание на активное объединение в рамках метафорической конструкции двух разрозненных представлений, результатом взаимоотношений которых является образование на семантическом уровне одного понятия. Согласно его определению, метафора представляет собой «две мысли, которые касаются различных предметов, но действуют сообща и содержатся в одном слове или в одной фразе, чье значение является результатом их взаимодействия» [11].

Почему же автор заставляет читателя разгадывать метафористические загадки, в то время как он мог бы выразить то же самое значение, используя средства прямой номинации?

М. Блэк отмечает две причины метафорического словоупотребления. В первом случае действительно невозможно найти прямой эквивалент

метафорического значения и автор вынужден прибегнуть к метафоре как к единственно возможному средству выражения; во втором случае, если прямой синоним все же существует, метафорическая конструкция используется с чисто стилистическими целями [12].

«Метафорическое выражение в самом деле обозначает нечто отличное от прямого значения слов и предложений, но не из-за изменения в лексическом значении образующих его элементов, а в силу того, что говорящий, используя их, подразумевал нечто особенное» [13].

Так, например, если кто-то скажет «Салли – кусок льда» или «Сэм – свинья», вы, скорее всего, предположите, что говорящий имел в виду не буквальный смысл этих фраз, а то, что они выражают в переносном значении. И, тем не менее, у вас не будет проблем с расшифровкой. Но если кто-то скажет «Салли – простое число между 17 и 23» или «Билл – амбарная дверь», вы тоже поймете, что он говорил в переносном смысле, но будет гораздо труднее выявить то, что он имеет в виду.

Мысль о метафорической природе мышления оказалась в высшей степени плодотворной и получила широкое распространение не только среди лингвистов, но и среди философов. Э. Хассел, рассматривая противоречивые базовые высказывания, содержащие в своей структуре взаимоисключающие друг друга элементы (типа 'А, которое не является А'; 'Все элементы А являются В'; 'некоторые элементы А не являются В') обращает наше внимание на следующий факт: «В то время как высказывание 'Что-то одновременно являющееся А и не-А' невозможно, высказывание 'А и В' возможно, так как связка 'и' является простым элементом и имеет реальное значение» [14]. В результате этого, имея выражение 'А и В', в котором 'А' и 'В' выступают в качестве пропозициональных переменных и соответственно могут принимать любые значения, мы можем получать сочетания смыслов.

Метафорический перенос постепенно обретал свой законный, подтвержденный на теоретическом уровне статус полноправного члена класса высказываний, обладающих логическим смыслом. Для Дж. Лакоффа и М. Джонсона не существует вопроса, являются ли метафорические выражения истинными или ложными, так как истина, в их представлении, «всегда связана с концептуальной системой восприятия, которая определяется большей частью с помощью метафорических переносов» [15]. Т.о., мы приходим к выводу о двойственном характере метафоры, и об ее включении в концепт непрямого говорения.

* * *

Термин несобственно-прямая речь (НПР), общепринятый в те годы в советской стилистике, обозначает явление, которое в английском языке передается как *free indirect discourse*. Эта форма взаимодействия авторской речи и речи персонажа является ведущей дискурсивной стратегией современного нарратива. Начиная со второй половины XIX века, авторский дискурс в английской художественной прозе характеризуется сложными формами речевого взаимодействия. Присутствие Другого в нем выражается не прямо, а косвенно

– через новые формы репрезентации чужого слова, названные Ш. Балли «*style indirect libre*», а М. Бахтиным – «непрямым говорением», или «двуголосым словом». *Двуголосое слово* — скрещение в одном высказывании двух личностных «голосов», которое осуществляется с помощью разных форм преломления смысловых интенций говорящего сквозь призму чужих слов на ту же тему, что создает особый семантический эффект «непрямого говорения» (т.е. говорения не «на» языке, а «через» язык, через объективированную и дистанцированную от собственных уст чужую словесную манеру).

Утвердившаяся в литературе XX века форма повествования от 1-го лица (*Ich-Roman*), придавая большую достоверность повествованию и доверительность стилю изложения, сделала проблематичным выявление авторской точки зрения и его идентичности. Я-рассказчик может быть персонажем, наблюдателем-очевидцем событий, человеком, передающим однажды услышанную историю. Авторский диалог стал опосредованным, непрямым, неявным. Но позиция автора может быть выявлена с помощью отдельных диалогических маркеров, означающих сдвиг дейктического центра. Из всего набора диалогических маркеров авторского дискурса для скрытого авторского диалога в рамках НПР характерны следующие: временной сдвиг, изменение или переосмысление повествовательного лица, изменение модального плана.

Непрямая коммуникация стала предметом исследования не только лингвистики, но и философии. Примечательно в этом отношении назвать книгу Л. Гоготишвили «Непрямое говорение» [16]. Автор философски обосновывает проблему речевого отгораживания с позиции М. Бахтина, Э. Гуссерля, А. Лосева и др. Так, феноменологию естественного языка следует строить, по Лосеву, исходя из непрямого смысла – из смысла, не поддающегося прямому выражению на естественном языке. Естественный язык – это частная модификационно-непрямая форма выражения языка эйдетического (языка, основанного на образном мышлении). Смысл – это не *что*, а *как*. По Лосеву, это *как* переходит во *что* и растворяется в нем. Эйдетические смыслы «прямые», но непонятны сознанию без транспонирования на свойственные самому сознанию формы смысла. Исходные же «непрямые» смыслы на естественном языке понятны сознанию. Естественный язык не предназначен к прямой референции чего-либо из чувственного мира в любом его понимании – статично-вещном или событийно-процессуальном. Соответственно, и предложения естественного языка рассматриваются при этом как не предназначенные истинно коррелировать с существующим положением дел в реальности. Предложение есть не отражение объективной действительности, а смысла.

Действительно, синтаксический анализ предложений естественного языка нередко требует обращения к семантике, ибо без учета смысла значение предложения оказывается неоднозначным. Возьмем, например, такую фразу: «Вот списки студентов, которые сдали зачет по физике». Здесь определение «которые сдали зачет по физике» относится к студентам. Если для уточнения синтаксической структуры фразы использовать скобки подобно тому, как это делается при записи алгебраических или логических выражений, то скобки надо поставить так: «Вот списки (студентов, которые... и т. д.)». Теперь возьмем такое предложение: «Вот списки студентов, которые лежали в шкафу у декана». Формально, структура этой фразы в точности такая же, как и предыдущая.

На самом же деле здесь подразумевается другая расстановка скобок, а именно: «Вот (списки студентов), которые... и т. д.». Мысленно расставляя скобки, таким образом, мы опираемся исключительно на смысл фразы, ибо не допускаем, что студенты могли лежать в шкафу у декана. Вообще, оборот со словом «который» весьма коварная вещь. Л. Успенский в книге «Слово о словах» рассказывает, что однажды он увидел такое объявление: «Граждане, сдавайте утиль дворнику, который накопился!» Неудивительно, что этот оборот не прижился в математической логике.

При описании языка от функциональных потребностей к средствам выражения, кроме познавательной (когнитивной) функции, отражающей положение дел в окружающей действительности, были выявлены коммуникативная, эмоциональная, волонтеристическая (функция воздействия), поэтическая и другие целевые установки. На определенном этапе эволюционного развития неизбежна трансформация мыслительных процессов: статичный наблюдательно-познавательный характер мышления сменяется преобразовательно-деятельностной активностью, в результате чего процесс познания в целом принимает *эгоцентрическую* направленность. В нашем случае, отгораживание – это такое представление суждения, при котором говорящий снимает с *Эго* ответственность за само суждение. *Эго* отождествляется с *Я*, причем последнее представляет собой единицу синтаксической структуры предложения, первое – элемент интерпретации. Интерпретирование связано с проекцией содержания высказывания как на внеязыковую реальность, так и на «внутренний мир» интерпретатора (центром внутреннего мира является *Эго*) [17]. Что касается «внутреннего мира» интерпретатора, то здесь нам необходимо прибегнуть к рассмотрению небазисных предикатов пропозициональной установки: полагать, думать, казаться и т. д. [18]. Они позволяют автору суждения замаскировать свою установку по отношению к пропозиции. Так, предикат *сомневаюсь, чтобы...*, передавая отрицание вложенной пропозиции, не является отрицательным предикатом: говорящий как бы «отгораживается» от ответа, уменьшая степень достоверности.

Когда человек из бесстрастного наблюдателя превращается в лицо заинтересованное, способное не только к наблюдению за природными явлениями, но и к управлению ими, акт передачи информации становится более структурированным. В коммуникативные планы говорящего наряду с сообщением о положении дел в реальной действительности включается намерение воздействовать на поведение или сознание слушающего с целью изменить его точку зрения или заставить выполнить определенное действие. Язык из средства осуществления исключительно познавательной функции переходит в разряд инструмента, который обеспечивает выполнение практических целей и задач повседневной жизни. На первый план выдвигается конвенциональный аспект словоупотребления, связанный не столько с собственно языковыми структурами, сколько с обстановкой общения, с поведением коммуникативных партнеров, с целевыми установками отправителя речи, с выбором коммуникативной тактики при произнесении той или иной фразы.

Стоит отметить, что исследовательским центром для нас, как и для многих обследованных нами авторов, стал не буквальный отказ от коммуникации, а несколько иное, хотя и близко родственное членение – «градуальная, неяс-

ная, непрямая коммуникация». Следовательно, понятие «разобшения» фиксируется нами как факт «иногo» говорения, существующего параллельно акту полной коммуникации, а не абстрагировавшийся от нее. И мы вправе утверждать, что непрякая коммуникация занимает одно из центральных мест в лингвистике текста, речевом дискурсе и логическом анализе языка.

Литература

1. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960. С. 15.
2. Силантьев И.В. Газета и роман. Риторика дискурсных смещений. М.: Языки слав. культур, 2006.
3. Bolinger D.L. Generality, Gradience, and the All-or-None. The Hague: Mouton, 1961. P.30-32.
4. Swales J. Genre Analysis. English in academic and research Settings. Cambridge, 1990. P. 236.
5. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. Chicago, 1972. P. 183-228.
6. Weinreich U. On the Semantic Structure of English. Cambridge: The MIT Press, 1966. P. 142-217.
7. Palmer F.R. Modality and English Modals. London: Longman, 1979. P. 86-94.
8. Chafe W. Evidentiality in English Conversation and Academic Writing. The Linguistic Coding of Epistemology. Norwood, 1986. P. 261-272.
9. Grice H.P. Logic and Conversation. В сб.: Pragmatics. New York – Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 305 – 315.
10. Аристотель. Поэтика. В кн.: Аристотель. Собр. соч. в 4 томах, Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 645 – 686.
11. Ричардс А. Философия риторики. В сб.: Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 44-47.
12. Black M. Models and Metaphors (Studies in language and philosophy). Ithaca, New York: Cornell Univ. Press, 1962. P. 267.
13. Serle J.R. Metaphor. В сб.: Pragmatics. New York: Oxford University Press, 1991. P. 519-539.
14. Husserl E. Logical Investigations. New York: The Humanities Press, 1970. P. 877.
15. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. В сб.: Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 126 – 170.
16. Гогтишвили Л. А. Непрякое говорение. М.: Языки слав. культур, 2006.
17. Демьянков В.З. Предикаты и концепция семантической интерпретации. М.: Наука. Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.39 №4, 1980. С. 336-347.
18. Степанов Ю.С. К универсальной классификации предикатов. М.: Наука. Известия РАН. Серия литературы и языка. Т.39 №4, 1980. С. 313-318.